

А. В. Орлова

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. antonina-orlova2607@yandex.ru

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛА **КЛАТИСА**
В «СЛОВЕ О РАССЛАБЛЕННОМ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

В статье исследуется семантика глагола **клатиса** в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского, подробно изучен один из контекстов, имеющий в русской лексикографической традиции неоднозначное истолкование. Показано, что глагол **клатиса** в данном контексте использован в значении 'давать клятву, клясться, используя в качестве меры воздействия, наказания образ страдающего или проклятого'.

Ключевые слова: глагол **клатиса**, лексическая семантика, древнерусский язык, «Слово о расслабленном» Кирилла Туровского, исторические словари, клятва, самопроклятие

История и этимология древнерусского глагола **клатиса**, который часто встречается в значении 'клясться, давать клятву'¹, представляет большой интерес для изучения.

Различные обряды принесения клятвы, известные с глубокой древности, имеют единую цель — «обеспечить и освятить некоторое заверение» [Бенвенист, с. 336] и содержат устойчивый набор необходимых компонентов: 1) сам характер заверения, что придает акту особую торжественность; 2) сакральная сила, принимающая заверение и освящающая его [Бенвенист, с. 336].

Что касается характера заверения, то, как правило, в основе наименования клятвы в различных языках, в том числе и в древнерусском, лежит форма ее воплощения, а не само понятие. Обряды принесения клятвы, присяги чрезвычайно разнообразны, поэтому их наименования в различных культурах не имеют общеиндоевропейского выражения. При этом часто обстоятельства, сопровождающие ритуал, остаются неизвестными или возникают большие трудности при попытке их реконструировать. Кроме того, «речевой ритуал или формулы и процедуры присяги всякий раз могут видоизменяться» [Бенвенист, с. 337], что также затрудняет поиски внутренней формы.

Однако, несмотря на отсутствие общеиндоевропейского выражения наименований клятв, они характеризуются общностью второго компонента — «поручительство сил, наказующих клятвотступника» [Бенвенист, с. 336], в связи с чем неотъемлемым элементом клятв является проклятие. «Структура и семантика клятвенных формул близка формулам божбы и проклятиям...» [Славянские древности, т. 2, с. 513]. При этом проклятие предполагает наличие как минимум двух лиц, а слова и действия направлены на субъект высказывания (*будь ты проклят!*); при клятве же в случае нарушения слова клянущийся призывает кару на себя (*будь я проклят!*) [Славянские древности, т. 2, с. 513].

Идея наличия силы, способной наказать клятвотступника, отразилась в том, что в Средневековье клятвы нередко упоминаются вместе с *ордалиями*, суть которых заключалась в следующем: «спорящие вызывались сделать что-нибудь такое, что по естественному порядку вещей должно быть губительно для них, но вследствие непосредственного участия Божества окажется безвредным» [Суд Божий]. Таким образом, ордалия – это и есть своего рода клятва, в которой, однако, компонент карающей сверхъестественной силы оказывается материально выраженным: наказание и сам ритуал минимально отстоят друг от друга по времени.

Поэтому совсем неудивительно, что совмещение значений 'клятва' и 'проклятие' наблюдается в одном слове во многих языках мира: «в аккадском 'w] māmītu, в древнегреческом

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 193; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 229; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1237–1238.

ἐπαράομαι, в латинском exsecratio, в грузинском ზუჯჯა, в исландском blóta, в английском oath, в цыганском (российских цыган-кэдэраров) arman» [Изотов, с. 51]. Такая же ситуация была представлена и в древнерусском языке: существительное **клятѡ** могло употребляться в обоих указанных выше значениях.

О. Н. Трубачев, ссылаясь на исследование А. Брюкнера, утверждает, что древнерусский глагол **клатисѡ** и производное от него **клятѡ** («расширение на -а первоначально супинной глагольной основы на -тъ (-tu)») восходят к праславянскому *kļeti, *kļnq (se), соотносительному с перегласовкой с глаголом *kloniti 'клонить'². А. Брюкнер объясняет этимологическое родство клятвы и поклона тем, что «славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой»³. По всей видимости, это было обусловлено культом почитания Матери – сырой земли, который впоследствии, после принятия христианства, сблизился с культом Богородицы.

Культом почитания земли как прародительницы всего сущего – один из наиболее распространенных у сельскохозяйственных народов. Так, например, аналогом славянской Матери – сырой земли является римская богиня Теллус (Tellus Mater). Функции подобных божеств двойки: с одной стороны, они олицетворяют материнское лоно, рождающее начало, с другой – подобные божества оказываются тесно связанными со смертью, так как лоно земли укрывает все то, что утратило жизнь [Байбурин, Топорков, с. 81; Обнорский; Гальковский, с. 56–57]. Земля являлась также и «носителем правды и справедливости, ей нельзя было солгать, от нее нельзя было ничего скрыть, и поэтому с ней был связан ряд обычаев, общественных, социальных и сугубо личных» [Толстой, с. 507]. Собственно к общественным обычаям и относилась клятѡ.

При этом если в древности слово **клятѡ** могло употребляться как в значении 'клятѡ', так и в значении 'проклятие', то для глагола **клати(сѡ)** существовало достаточно четкое, хотя и не абсолютное, распределение. При наличии компонента -сѡ для него было характерно значение 'клясться, присягать', при его отсутствии – 'проклинать, осуждать, ругать' (в исторических словарях русского языка **клати** и **клатисѡ** последовательно разводятся как два разных слова). Подобное распределение значений объясняется следующим образом. М. Фасмер указывает, что значение глагола **клясться** 'клясться' возникает из 'проклинать себя'⁴ (современная форма **клясться** < древнерусское **клати сѡ** 'буквально: клясть, проклинать себя'). С. М. Толстая также полагает, что исходный смысл клятвы – это проклятие, адресованное самому себе. В доказательство она приводит существующие в русском языке клятвы-самопроклятия типа «Чтоб мне сквозь землю провалиться!», произносимые для подтверждения правоты своих слов, а также «обычай самонаказания как юридического доказательства (ср. у русских, сербов и др. обычай носить на голове, на спине, в руках большие глыбы земли в знак отрицания своей вины в нарушении границ земельных наделов или являться в суд с камнем на шее)» [Толстая, с. 275].

Поэтому можно полагать, что земля являлась для славянина в языческий период божеством, выполняющим функцию гаранта исполнения обещанного, перед которым он проклинал сам себя (на что в глаголе указывает компонент -сѡ), а сам обряд поклона земле закрепился во внутренней форме данного слова.

Исходя из приведенных доводов исследователей, можно заключить, что изначально в глаголе **клатисѡ** компонент -сѡ⁵ употреблялся в рефлексивном (собственно-возвратном) значении, когда

² Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1983. Вып. 10. С. 39.

³ Там же. С. 38.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 259.

⁵ Как указывает Е. А. Галинская, «в собственном местоименном значении форма -сѡ... в ходе процесса утраты энклитик заменилась формой себе... Однако то сѡ, которое формировало возвратные глаголы либо формы страдательного залога глаголов, в процессе утраты энклитик заменить ничем не могло... и в истории русского языка произошло полное сращение -сѡ с глаголом» [Галинская, с. 286]. Поэтому считаем возможным говорить о -сѡ уже в древний период как об элементе глагола **клатисѡ**, который в современной системе русского языка рассматривается с точки зрения грамматики как частица, а с точки зрения словообразования как постфикс.

субъект, выраженный подлежащим, как бы направляет действие на самого себя (ср. подобное употребление в глаголах *мыться*, *бриться*) (см.: [Летучий, с. 199]). Если в современном русском языке глаголы *клясть* и *клясться* необходимо рассматривать как отдельные слова, которые уже не соотносятся с точки зрения возвратности, то в древнерусском языке нельзя говорить о полном отсутствии соотношения между ними, хотя уже в ранний период возвратный глагол и исходный невозвратный различались по значению, а у глагола *клатиса* был представлен более широкий набор валентностей, чем у *клати* (что характерно и для современного русского языка). В то время как глагол *клати* имеет валентности субъекта (кто проклинает/ругает – *Некентини бо кльнѣше техѹ* Ипат. лет. ок. 1425 (1255)⁶) и прямого объекта (кого проклинают/ругают – *не дажь мѣста ѹлвкоу клати тѣ* Изб 1076, 80 об.⁷), *клатиса* помимо субъектной валентности (*Роуць полагаютъ циты своѣ и... кленоутса в всемь* ЛЛ 1377, 57 (1068)⁸) характеризуется валентностью адресата (кому клянутся – *кляхъса къ Аврамоу Исакоу Ияковоу ГА XIII–XIV, 65a*⁹), объекта клятвы (в чем / о чем клянутся – *въ коупли не клатиса* КН 1280, 528²¹⁰), залога выполнения обещания / истинности слов (кем или чем клянутся – *не кленитеса ни нѣбомъ, ни землею ПНЧ XIV, 30в*¹¹). При этом присоединение прямого объекта для глагола *клатиса* не является возможным, что связано в том числе и с наличием компонента *-са*, который, по всей видимости, достаточно рано начал употребляться в автокаузативном значении (ср. с совр. *учиться*, *собираться*), когда 'субъект каким-то образом делает так, что он сам оказывается в определенном состоянии или процессе' [Летучий, с. 208; Сай, Гото, с. 197].

В «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского, основанном на евангельском эпизоде об исцелении парализованного человека («расслабленного») при купальне Вифезда в субботу (Ин 5: 1–15), слово *клатиса* встречается дважды.

В первом случае данное слово употребляется в значении 'клясться, давать клятву': *кляхъса аврамови глѣ. в сѣмени твоємь блгвѣтса языци* (РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф.п.І.39 (далее – Ф.п.І.39). Вторая половина XIII в. Л. 20).

Во втором примере глагол *клатиса* в лексикографических источниках толкуется неоднозначно: *знаемни мои гноушаютса мене... || ...вси члвци мною кльноутса. а ѹтѣшѹающаго не шврѣтохъ...* (Ф.п.І.39. Л. 18) (ср. сходное употребление в Великих Минеях Четых: *И еже: «Вса дни поношахъ ми врази мои, и хвалащен ма мною кленахъса»*¹²).

Казалось бы, использование формы с *-са* однозначно свидетельствует о том, что здесь исследуемое слово употреблено в значении 'приносить клятву (присягу), клясться, присягать', на что указывает И. И. Срезневский в своем словаре, определяя в данном случае значение *клатиса* через латинское *jurare*¹³.

Однако авторы Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. предполагают, что в исследуемом фрагменте сочинения Кирилла Туровского слово *клатиса* употребляется в значении 'проклинать, осуждать'¹⁴, а в Словаре русского языка XI–XVII вв. отмечается, что это слово употреблено в данном контексте в значении 'гнушаться'¹⁵, то есть 'брезговать, чуждаться, испытывать чувство неприязни'.

Как показывает наш анализ, фрагмент *вси члвци мною кльноутса* из сочинения Кирилла Туровского является аллюзией на Пс 101: 9, а контекст из ВМЧ – это точная цитата из данного псалма. Перед нами так называемая молитва страждущего, символизирующая бедственное

⁶ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 827.

⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. С. 228.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Великие Минеи-Четии. М., 1910. Декабрь. День 24-й. Стб. 1984.

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. Стб. 1237–1238.

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. С. 229.

¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. С. 193.

состояние еврейского народа во время Вавилонского плена: **Въсь день поношаахъ ми врази мои и хвалѣщи съ мноѣхъ клѣнѣахъ съ**¹⁶.

Как указывается во Втор 6: 13, клясться необходимо только именем Бога (і **именемъ его кленешисл**¹⁷), однако образами клятвы могли становиться грешники, а также, поскольку считалось, что болезнь нередко вызывалась несправедливыми поступками (смерть и болезни пришли в мир через грех, как отмечается в Быт 2: 17), страдающие и больные люди. Более того, «по закону Моисея нечистыми могли быть не только животные, но и люди и любые предметы. Нечистым можно было стать от прикосновения к нечистоте человеческой (больному, его выделениям, трупу) ... а также к предмету, которого они все касались (ср.: Лев 11–15; Чис 19; Втор 14)» [Григорьев, с. 89]. Именно поэтому грешников и больных избегали и испытывали к ним чувство неприязни.

В Числ 5: 21 образом не только клятвы, но и проклятия (в иудейской традиции *шву'ат ха-ала*) [Краткая еврейская энциклопедия, кол. 384–353] явилась женщина, совершившая грех прелюбодеяния: **Да дасть съ ѣъ в роту и в клѣтвѣу сред(и) люд(и)и своиухъ** (ἐν ἀρῶ καὶ ἐν ὀρκίῳ). (Чис. 5, 21) *Библ. Генн. 1499 г.*¹⁸, где греческое ἀρά, могло означать как 'клятву', так и 'проклятие, хулу, гибель'¹⁹, а ἐν ὀρκῳ указывало на то, что 'связано с клятвой'²⁰.

Данная традиция находит отражение в Античности и позднее в Византии. Так, в «Слове о бедных» Григорий Богослов также отмечает, что образы бедных, больных и страдающих людей могут быть использованы для осуждения других: Πρὸς δὲ τῇ πενίᾳ, καὶ ἡ νόσος καθὼν δεύτερον, καὶ καθὼν τὸ ἀλευκτότατον, καὶ βαρύτερον, καὶ εἰς κατάραν ('проклятие'²¹) τοῖς πολλοῖς προχειρότατον²² («к бедности [присоединяется] и другое зло – болезнь, зло ужаснейшее и тягостнейшее, [употребляемое] при проклятии»²³).

Такого рода проклятия во многом близки использовавшимся в древности проклятиям по аналогии (по классификации К. Фараона [Kent, p. 418]), когда предполагается, что жертва должна принять атрибуты объекта, с которым ее сравнивают (часто для этих целей использовались специальные фигурки). Например: «Как холоден этот предмет, пусть X станет таким же холодным» [Kent, p. 418]. В славянской обрядовой традиции такие проклятия называются акциональными и приближаются по силе воздействия к порче. Так, «в Болгарии при подозрении кого-либо в краже совершался обряд *врицане*: желающий проклясть шел в часовню или монастырь, брал с собой церковное масло и свечу. Масло оставял в храме, зажигал свечу и прилеплял ее фитилем вниз со словами: "... Как тает воск свечки, так пусть растает тело N...". Иногда проклятие сбывалось, и человек буквально таял на глазах» [Славянские древности, т. 4, с. 292]. Отражение этого обряда встречаем и в художественной литературе: «... я хотел и теперь еще хочу уморить его в кандалах: пусть он **тает как свеча** (выделено мной. – А. О.), пусть, умирая понемногу, узнает, каково оскорбить боярина Шалонского!» (М. Н. Загоскин. «Юрий Милославский, или русские в 1612 году», 1829)²⁴.

Какое же значение реализуется в греческом и древнееврейском тексте псалма (Пс 101: 9)?

¹⁶ Цит. по: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь: Глаголический памятник XI в. Пг., 1922. (Памятники старославянского языка. Т. 4). С. 130. Л. 130а–130б.

¹⁷ Острожская Библия. Фототипич. переизд. текста с издания 1581 года / Осущ. под наблюдением И. В. Дергачевой. М.; Л., 1988. Л. 83.

¹⁸ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 178.

¹⁹ *Liddell G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 233.

²⁰ *Ibid.* P. 572.

²¹ *Ibid.* P. 908.

²² *Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J. P. Migne* (далее – PG). Paris, 1857. Т. 35. Col. 869.

²³ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова. М., 1844. Т. 2. С. 9.

²⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.04.2020).

Анализ показывает, что на месте славянского *кльнѣхъ сѧ* в древнееврейском тексте использовано слова *shaba* со значением 'приносить клятву'²⁵, которое передается в Септуагинте греческим *ῥμνῦμι* (*ῥμνύω*) 'клясться, давать клятву'²⁶, а в Вульгате латинским *jurare* 'клясться, давать клятву'²⁷. Таким образом, в данном отрывке страдающий представитель еврейского народа становится божественным поручителем клятвы²⁸.

Однозначным оказывается и истолкование данного фрагмента в святоотеческих текстах, в которых используется только слово *ῥρκος* 'клятва'²⁹.

Так, у Афанасия Великого читаем: Καὶ οἱ φίλοι, φησὶν, οἱ πάλαι θαυμάζοντές με, **ῥρκον** ἐποιοῦντο (выделено мной. – А. О.) τὰς ἐμὰς συμφορὰς, λέγοντες· Μὴ τὰ αὐτὰ τῷ Ἰσραὴλ πάθοιμι!³⁰ («И друзья, прежде удивлявшиеся мне, произноса **клятву** (выделено мной. – А. О.), упоминают мои бедствия, говоря: да не потерплю того же, что потерпел Израиль!»³¹). Иоанн Златоуст указывает: νῦν **ῥρκος** (выделено мной. – А. О.) γέγονα τοῖς πάλαι θαυμάζουσι· κατὰ γὰρ τῶν ἐμῶν ῥμνύουσι συμφορῶν· μὴ πάθοιμι, ἃ οἱ δεῖνες πεπόνθασι³² («теперь я служу **клятвой** (выделено мной. – А. О.) для тех, которые некогда завидовали мне и удивлялись; теперь они клянутся моими несчастьями: да не потерплю я того, что потерпел такой-то»³³). То же толкование представлено у Феодорита Кирского³⁴, а также в Лексиконе Суды (Свиды)³⁵.

В старославянских и древнерусских текстах соответствием греческого *ῥμνῦμι* (*ῥμνύω*) обычно выступает глагол *клатиса*, который, как указывалось выше, в зависимости от наличия или отсутствия компонента *-сѧ* соотносился как с клятвой, так и с проклятием. И это во многом могло повлиять на понимание славянского перевода фрагмента из Псалтири и соответственно восходящего к нему отрывка из сочинения Кирилла Туровского.

Читатель, анализируя исследуемый фрагмент из «Слова» Кирилла Туровского, мог опираться на текст-оригинал, где речь идет о клятве с использованием образа страдающего человека (представителя еврейского народа в Псалтири). В этом случае *клатиса* будет означать 'клясться, давать клятву': *вси члвци мною кльнотгьса*, то есть все люди приносят клятву, используя образ расслабленного как гарантию выполнения обязательства. В то же время болезнь расслабленного и страдания нищего, символизирующего еврейский народ, являются карой Господней (Божьим проклятием), поэтому люди, с одной стороны, опасаются и избегают их, а с другой – используют их образ в своих клятвах как наказание (проклятие), которое грозит обрушиться на них при невыполнении обещанного такого же рода болезнью и отвержением других людей. Тогда мы можем предположить, что славянское *клатиса* только подчеркивает, что речь идет о клятве с использованием самопроклятия, когда окружающие, давая обещание, буквально проклинают себя образами расслабленного и страждущего, что свидетельствует об актуализации в данных фрагментах рефлексивного значения *-сѧ* в составе глагола *клатиса*.

Показательно, что в православной традиции XVIII–XX вв. в толкованиях фрагмента Пс 101: 9 подчеркивалось, что в данном стихе псалма речь идет не о клятве, а именно о проклятии: так, например, в «Толковой Библии» А. П. Лопухина (1852–1904) указывается: «Когда кому-либо желают высказать зложелания, то ничего не находят более выразительного,

²⁵ BDB Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford, 1939. P. 989.

²⁶ Liddell G., Scott R. A Greek-English Lexicon. P. 1223; Lampe G. Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 952.

²⁷ Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. P. 984.

²⁸ См.: Theological Dictionary of the Old Testament / Ed. G. J. Botterweck, H. Ringren, H.-J. Fabry. 2004. Vol. 14. P. 316.

²⁹ Liddell G., Scott R. A Greek-English Lexicon. P. 1252; Lampe G. Patristic Greek Lexicon. P. 973.

³⁰ PG. Paris, 1857. T. 27. Col. 127–128.

³¹ Афанасий Великий. Толкование на Псалмы. М., 2011. С. 384.

³² PG. Paris, 1862. T. 55. Col. 637.

³³ Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1899. Т. 5. С. 727.

³⁴ PG. Paris, 1860. T. 80. Col. 1677.

³⁵ *Suidae Lexicon: ex recognitione Immanuelis Bekkeri*. Berolini, 1854. P. 582.

как сказать “**пусть будет с тобою** (выделено мной. – А. О.), как совершилось с евреями”» [Толковая Библия, с. 330].

Итак, неудивительно, что фрагмент сочинения Кирилла Туровского, по всей вероятности, восходящий к Пс 101: 9, вызвал затруднения у лексикографов при описании значения глагола в данном фрагменте.

Если опираться на семантику греческого и древнееврейского соответствий из Псалтири, то, поскольку в указанных фрагментах представлена клятва образом страждущего, являющегося компонентом самопроклятия, которое сопровождается актуализацией рефлексивного значения **сѧ** в составе глагола **клятисѧ**, во втором употреблении у Кирилла Туровского будет верным описать этот глагол так: ‘давать клятву, клясться, используя в качестве меры воздействия, наказания образ страдающего или проклятого’.

Литература

- Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990. 165 с.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995. 456 с.
- Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. Изд. 2, испр. М., 2016. 416 с.
- Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. 376 с.
- Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2019. 200 с.
- Изотов В. В. Проклятие, заклание, клятва, анафема. Киев, 2015. 231 с.
- Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988 [Электронный ресурс]. Т. 4. URL: <http://eleven.co.il/> (дата обращения: 20.04.2018).
- Летучий А. Б. Возвратность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. М., 2014. (На правах рукописи). С. 191–246. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 20.08.2020).
- Обнорский Н. П. Теллус (Tellus) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vohi.net/brokgauz/> (дата обращения: 20.04.2018).
- Сай С. С., Гото К. В. Частотные характеристики классов русских рефлексивных глаголов // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 184–223.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1995. Т. 2. 697 с.; М., 2009. Т. 4. 656 с.
- Суд Божий // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vohi.net/brokgauz/> (дата обращения: 20.04.2018).
- Толковая Библия: в 12 т. / Под ред. А. П. Лопухина. СПб., 1912. Т. 4. 502 с.
- Толстая С. М. Из лексики древнего славянского права: *kļęta, *rota, *prisęga, *vęra // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2015. С. 274–277.
- Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М., 2003. 624 с.
- Kent B. H. M. Curses in Acts: Hearing the Apostles' Words of Judgment Alongside 'Magical' Spell Texts // Journal for the Study of the New Testament. 2017. Vol. 39 (4). P. 412–440.

References

- Baiburin, A. K., Toporkov, A. L. U istokov etiketa [At the Origins of Etiquette]. Leningrad, 1990. 165 p.
- Benvenist, E. Slovar' indoeuropeiskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms] / Trans. from French; Ed. and Introductory Article by Yu. S. Stepanov. Moscow, 1995. 456 p.
- Galinskaya, E. A. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Fonetika. Morfologiya [Historical Grammar of the Russian Language: Phonetics. Morphology]. 2nd ed., revised. Moscow, 2016. 416 p.
- Gal'kovskii, N. M. Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnei Rusi [The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Old Rus']. Kharkov, 1916. Vol. 1. 376 p.
- Grigor'ev, A. V. Russkaya bibleiskaya frazeologiya v kontekste kul'tury [Russian Biblical Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, 2019. 200 p.

- Izotov, V. V. *Proklyatie, zaklyatie, klyatva, anafema* [Curse, Spell, Oath, Anathema]. Kiev, 2015. 231 p.
- Kent, B. H. M. Curses in Acts: Hearing the Apostles' Words of Judgment Alongside 'Magical' Spell Texts. In *Journal for the Study of the New Testament*. 2017. Vol. 39 (4). Pp. 412–440.
- Kratkaya evreiskaya entsiklopediya [The Concise Jewish Encyclopedia]. Ierusalim, 1988 [Electronic resource]. Vol. 4. URL: <http://eleven.co.il/> (accessed 20 April 2018).
- Letuchii, A. B. Vozvratnost' [Reflexivity]. In *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Electronic resource]. Moscow, 2014. (Na pravakh rukopisi). Pp. 191–246. URL: <http://rusgram.ru> (accessed 20 August 2020).
- Obnorskii, N. P. Tellus (Tellus) [Tellus (Tellus)]. In *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona*. Saint Petersburg, 1890–1907 [Electronic resource]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (accessed 20 April 2018).
- Sai, S. S., Goto, K. V. Chastotnye kharakteristiki klassov russkikh reflektivnykh glagolov [Frequency Characteristics of Classes of Russian Reflexive Verbs]. In *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Moscow, 2009. Pp. 184–223.
- Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 v. Moscow, 1995. Vol. 2. 697 p.; Moscow, 2009. Vol. 4. 656 p.
- Sud Bozhii [The Judgment of God]. In *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona*. Saint Petersburg, 1890–1907 [Electronic resource]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (accessed 20 April 2018).
- Tolkovaya Bibliya [The Exegetical Bible]. In 12 v. / Ed. A. P. Lopukhin. Saint Petersburg, 1912. Vol. 4. 502 p.
- Tolstaya, S. M. Iz leksiki drevnego slavyanskogo prava: *kletva, *rota, *prisega, *vera [From the Vocabulary of Ancient Slavic Law: *kletva, *rota, *prisega, *vera]. In *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya*. Ekaterinburg, 2015. Pp. 274–277.
- Tolstoi, N. I. Ocherki slavyanskogo yazychestva [Essays on Slavic Paganism]. Moscow, 2003. 624 p.

Antonina V. Orlova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABOUT SEMANTICS OF THE VERB **КЛАТІСА**
IN THE SLOVO O RASSLABLENNOM BY CYRIL OF TUROV

The article examines semantics of the verb **КЛАТІСА** in the *Slovo o Rasslablennom* by Cyril of Turov. One of the contexts that has an ambiguous interpretation in the Russian lexicographic tradition was studied in detail. It is shown that the verb **КЛАТІСА** in this context is used in the meaning of 'to take an oath, to swear, using the image of a suffering or cursed person as a measure of influence, punishment'.

Keywords: verb **КЛАТІСА**, lexical semantics, Old Russian language, *Slovo o Rasslablennom* by Cyril of Turov, historical dictionaries, oath, self-imprecation

